

Н. В. Голик¹

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Многочисленные публикации последних лет, посвященные толерантности в широком диапазоне ее проекций, сделали едва ли не аксиоматичными два положения:

— толерантность — ключевой духовно-нравственный принцип гражданского общества;

¹ Заведующая кафедрой эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографии «Этическое в культуре», научных статей по проблемам культуры.

— толерантность приобретает особую значимость для России в связи с особенностями переживаемого ею исторического периода.

2011 год будет отмечен знаком своеобразного «юбилея» — 20-летия распада СССР и всей советской системы. Итоги этих лет оцениваются аналитиками по-разному. Для риторики «реформаторов» характерны оптимистические ноты: в России произошла полномасштабная социальная революция. Пессимисты считают, что экономика страны не становится ры-

ночной, а трансформируется в нечто иное с явным средневековым оттенком. Безжалостен приговор философов и социологов, полагающих, что посттоталитарное общество «сорвалось» в очередной виток исторической неудачи, не сумев «справиться со своим прошлым, истерически заболтав свои комплексы и травмы» (Л. Гудков). Более взвешенным и спокойным представляется суждение, согласно которому «ситуация в России никогда не бывает безнадежно плохой, как это может показаться на первый взгляд» (Р. Брейтвейт). В числе причин, сдерживающих развитие российского общества, называются не столько экономические и политические, сколько культурные: образ мышления и соответствующие ему нормы жизни и поведения российского обывателя. Если говорить о движении вперед, то необходимы сдвиг культурного характера и изменение структуры ментальности. Это невозможно без понимания этоса постсоветского человека, современного состояния общественных нравов, анализа болезненных точек национальной идентичности.

Отмеченное двадцатилетие предстает периодом абсолютной *интолерантности*. Фундаментальные социально-экономические процессы строительства капитализма в стране выявили и продемонстрировали природу «нового» отношения человека к миру. Ключевое слово в определении природы этого отношения — *захват*. Захват и насилие оказались не случайным «помрачением разума», а делящимся до сих пор естественным состоянием, постоянным спутником которого стали ксенофобия и этнодискриминация.

Социологические опросы фиксируют рост ксенофобии в России со второй половины 1990-х годов, который нарастает с началом второй чеченской войны. Как всякое массовое явление, ксенофобия свидетельствует о состоянии «ткани» культуры, уровня цивилизованности человека, если под культурой, опираясь на этимологию слова, подразумевать бережное возвращение человеческого (духовного) в человеке. Рост ксенофобии обусловлен несколькими причинами. Среди них можно выделить: историко-культурные (формирование образа врага как необходимой инстанции для сплочения нации); социально-политические (этнодискриминация: депортация, многолетняя политика государственного антисемитизма, на смену которой пришло «специфическое» отношение к людям так называемой «кавказской» национальности); политику государства в проведении реформ; социально-психологические (необходимость адаптироваться к новой экономической реальности, отказываться от привычных патерналистских стратегий); социальное расслоение, достигшее опасной черты, когда половина населения оказалась на грани обнищания и на экзистенциальном уровне испытывала ощущение «заброшенности», абсолютного одиночества и бессмысленности существования.

Вместе с тем сознание этнического большинства маркирует дискриминацию меньшинства как естественное и нормальное состояние, оценивает его как нечто привычное. Привычка, как известно, не замечается. Сознание большинства не восприимчиво,

не чувствительно к проблеме дискриминации. Отсутствует иммунитет недопустимости или, наоборот, присутствует иммунодефицит недопустимости дискриминации. Анализ массовых опросов последних лет убедительно доказывает следующее: «*Сегодня нельзя найти ни одной группы в российском обществе, которая была бы совершенно свободна от тех или иных этнических фобий или антипатий*». Речь не идет, конечно, об отдельных представителях.

Но если ксенофобия — норма, следовательно, в иерархии ценностей данной культуры отсутствует уважение к человеку и благоговение перед ним, ибо норма — это бытие ценности, а ценность не декларация и лозунг и не просто знание, это ориентир, императив человеческой жизни в целом и конкретного поведения в реальных ситуациях повседневности. Очевиден факт «нравственной амнезии», поскольку принцип «не причинения вреда Другому» («никогда не делай зла, не отвечай злом на зло») воплощает фундаментальное нравственное основание. Эта максима, сформулированная еще в недрах античной культуры, задавала определенную установку «выхода», выведения за круг насилия и агрессии. Именно эта максима в качестве основополагающего пункта конституирует один из первых в истории европейской культуры корпоративных кодексов — клятву Гиппократу, сохранившую свою универсальную значимость до сих пор. Позже нравственное богословие христианства воплотит античное «послание» в апостольском принципе: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно...» (Послание к галатам св. ап. Павла, 3: 28).

Проблема ксенофобии, которая встала в России особенно остро, связана с еще одним важным феноменом — так называемой авторитарной личностью. Подобно металлической детали, отлитой и отшлифованной на конвейерной сборке гигантской конструкции тоталитарного механизма, она исполняла известную роль «винтика» и была призвана обеспечить бесперебойную работу социального целого. Разработанная философами, социологами и психологами Франкфуртской школы концепция авторитарной личности устанавливала зависимость этнонеприятности (в частности, антисемитизма) от комплекса личностных характеристик. Иначе говоря, детерминацию ксенофобской установки следует искать прежде всего в личности ее носителя. Авторитарную личность характеризуют: конформизм, ригидность мысли, нетерпимость, склонность к стереотипам, отсутствие критической рефлексии, сексуальное подавление, страх и отвращение, вызываемые всем «неидентичным», недостаток воображения, неспособность к автономному, критически-когнитивному опыту. Все описываемое — феноменологический уровень проблемы, то, какой она предстает в реальности, на уровне демонстрации.

Попытка выйти на онтологический уровень, как правило, латентный, скрытый, приводит к установлению параметров, характеризующих авторитарный тип личности. Его отличают три существенных признака: конвенционализм (ориентация на общепринятые нормы и правила), авторитарное раболепие

(мазохистский компонент), авторитарная агрессия (садистский компонент). Естественно, что в реальности сочетание этих признаков и доля каждого из них в конкретном индивиде могут быть различными. Однако при всех возможных сочетаниях авторитарному типу характера присуща одна особенность — «недостаточная интеграция моральных законов, по которым живет индивид, с остальной структурой характера». Это означает, что нарушается динамика взаимоотношений между «Я» (совокупностью различных функций самоконтроля и самовыражения индивида), сверх-«Я» (совестью) и глубинными слоями структуры характера. Слабость интеграции моральных законов или отсутствие интеграции приводит к «умиранию» «Я», «превращению “Я” в чужеродное тело», поскольку исчезает фундаментальная функция самоконтроля «Я». Без этой функции «Я» теряет способность синтеза, установления и поддержания согласия, мира с собственной совестью (сверх-«Я»), «создания необходимых связей, позволяющих «совести, эмоциональным импульсам и самости существовать в относительной гармонии». Отсутствие такого синтеза создает благоприятную почву для ригидности, неуверенности и всплесков глубинной агрессии, ибо импульсы, особенно агрессивные и сексуальные, существуя вне контроля «Я» и остающиеся чуждыми «Я», неизбежно будут сильными, бурными и «работать» в режиме «гиперреализации».

Концепция «авторитарной личности» Т. Адорно дала мощный импульс дальнейшим исследованиям природы человеческого существа и получила подтверждение в ходе известных экспериментов

Зимбардо и Милгрэма, которые устанавливали ограниченный диапазон констант, определяющих поведение человека: укорененное в глубинах характера сознание необходимости повиновения авторитетам (раболепие) и неискоренимое стремление к власти (агрессия). Если принять это положение как некую реальность, обнаруживаемую в человеческой природе, то, подобно антагонизму (Муфф, Лаклау), эта реальность никуда не может исчезнуть. Ее можно понимать, по Лакану, «как твердое ядро, противящееся символизации, неподвластное диалектике, всегда упорно возвращающееся на свое место». Следуя логике Лакана, можно сказать, что реальность, обладая рядом свойств и вызывая ряд последствий, является главным образом наслаждением. Однако существует «механизм» контроля и ограничения принципа наслаждения — этический императив, который Лакан называет «модусом наличия реального в символическом: *Fiat justitia, pereat mundus* (Пусть погибнет мир, но торжествует правосудие!)». Иначе говоря, этическое в сущностном и прямом значении этого слова как воплощение волевого начала в человеке тоже возвращается на свое место с неизбежностью «твердого ядра», формирующего императив моральности или трансцендентной универсальности нравственного, а значит, толерантности в качестве всеобщего свойства человеческой психики. Следовательно, необходимо очистить собственное сознание от призраков и идолов, заставляющих априорно относиться к «Другому» как к «носителю жала» (Б. Вальденфельс), как к чужому, постороннему, врагу, и постоянно совершать усилие возвышения над собственной ограниченностью.